

О Д К И Ј О W A Д О R Z Y M U

Z dziejów stosunków Rzeczypospolitej ze Stolicą Apostolską i Ukrainą

pod redakcją M. R. Drozdowskiego, W. Walczaka, K. Wiszowatej-Walczak

Białystok 2012

Татьяна Геннадьевна Таирова-Яковлева

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вольности шляхетские и казацкие: от отчины «Речь Посполитая» к «отчизне нашей Малороссийской»

Процесс формирования понятия „казацких вольностей”, как юридической основы для существования новой социальной и политической элиты Украины, тесно связан с трансформацией термина „отчизна”.

Как убедительно показал Ф. Сысин, обращение „отчизна” не в контексте Речи Посполитой, а собственно Украины появляется после восстания Б.Хмельницкого¹. Хотя украинское казачество считало Речь Посполитую своей „отчизной”, но уже на рубеже XVI–XVII вв. возникает серьезный конфликт, который приводит к серии казацких восстаний. Все они проходили под двумя лозунгами: за веру православную, за вольность казацкую. Но что подразумевалось под этими мифическими „вольностями”? Весьма конкретные понятия: право управлять своей территорией и жить по своим законам. Именно стремление участвовать в управлении своей страны – это то, что отличало украинское реестровое казачество от донского.

Разумеется, ссылки на „вольности” звучали не от „уходников”, но были связаны с элитой казачества, а именно с реестровыми. За считанные десятилетия эти полки, сформированные польскими королями, превратились в важную часть военной машины Речи Посполитой, без участия которых не обходился ни один европейский

---

¹ F.E. Sysyn, *Fatherland in Early Eighteenth-century Ukrainian Political Culture*, [in:] *Mazepa and his time. History, culture, society*, ed. by G. Siedina, Alessandria 2004, pp. 39–53.

поход. Сражения в Ливонии, русская Смута, события в Молдавии – во всех этих эпизодах реестровые казаки сказали свое веское слово.

Особенное значение казаки играли в деле отражения турецкой агрессии. Между тем, угроза со стороны Османской порты имела общеевропейский масштаб. В начале XVII в. турецкие корабли заходили даже в Темзу.

Военные заслуги гетмана Петра Конашевича Сагайдачного, захватившего Кафу, а затем выставившего 40 тыс. армию реестровых казаков под Хотинном, спасшего Речь Посполитую и короля – не могли не вести к пониманию казацкой элитой своей силы и значимости. Не случайно именно в этот период они начинают вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой, а зачастую – прямо диктовать свою волю. Именно так обстояло дело с восстановлением православной митрополии и посвящением Иова Борецкого.

Не случайно, что именно в 20-е годы XVII в., после ряда восстаний, реестровое казачество впервые получает статус городского, с отдельными административными полномочиями на подвластной им территории.

Определенная часть историографии склонна полагать, что казаками двигали исключительно материальные мотивы и стремление обезопасить себя от преследования панов. Но уже грамоты Сигизмунда II (1572 г.) высвобождали реестровых из под судебной юрисдикции панов и давали податковые привилегии как минимум старшине (включая беспощинное шинкование меда, пива и горилки)². Грамота Стефана Батория (1682 г.) освобождала реестровых казаков от налогов (*żadnych podatków*) и любого судебного преследования кроме суда казацкого гетмана (*starszego ich*)³. Таким образом, реестровые находились в исключительно выгодном экономическом и социальном положении. Но в том-то и дело, что им этого было мало, и они начали добиваться права участия в политической жизни страны.

Понимание этого мотива политической элиты Украины в историографии долгие годы препятствовал миф о братских народах, внедренный в 30-е годы XX века. Согласно советской концепции, внедренной еще И. Сталиным, украинское казачество боролось исключительно за *воссоединение с братским русским народом*⁴.

Поэтому так важно разобраться, кто были эти люди, возглавлявшие казацкие восстания, какие цели они преследовали, на какие традиции они опирались, какой у них был менталитет, как создалось Украинское гетманство.

---

² *Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографического комитета* (далее – Акты ЮЗР), т. II, Санкт Петербург 1865, № 149, с. 175–176.

³ *Жерела до історії України-Руси*, т. VIII, Львів 1908, с. 6. Опубликовав подлинное письмо С. Батория, М.С. Грушевский сделал также глубокий анализ реальных и мифических „вольностей” казацких.

⁴ *Воссоединение Украины с Россией. Сб. Статей*, Москва 1954, с. 5.

„Старшие” реестровых казаков Я. Бадовский, И.Оришевский, практически все руководители ранних казацких восстаний, начиная от Г. Косинского и С. Наливайко, происходили из шляхты. Богдан Хмельницкий и его ровесники, равно как и все другие казацкие старшины, включая поколение И. Мазепы (оба – тоже шляхтичи), родились и выросли в Речи Посполитой. Их предки столетиями жили в Великом княжестве Литовском, их отцы польскому королю служили, и именно эти традиции политической жизни стояли перед их глазами. Мы имеем в виду, прежде всего, традицию активного участия в жизни страны. По условиям Литовского статута 1529 и 1566 гг. вся шляхта должна была участвовать в сеймиках и в выборах шляхетских судов. К тому же, вся шляхта была юридически равна (заровно всихъ въ томъ почытаючы отъ вельможного и до навбожшого шляхтича). И до определенного момента именно такие пани-братские отношения доминировали в Украине между шляхтой и магнатами (примером служат отношения М.Хмельницкого, отца Богдана, с православным магнатом Я. Даниловичем). С 1673 г. вся шляхта Речи Посполитой, независимо от вероисповедания, потенциально могла участвовать в избрании короля. Это не могло не создавать сознания собственной значимости и независимости.

Но не менее достойно ощущали себя и горожане, пользовавшиеся привилегиями Магдебургского права. Широкое распространение православных братств, активно влиявших на политическую и религиозную жизнь (вплоть до избрания митрополита и архимандрита), занимавшихся культурой и образованием, свидетельствует о независимом и уважаемом положении украинского мещанства, и числа которого тоже выйдет немало знаменитых казацких старшин (Золоторенки, Сомки и т.д.).

Переосмысление казачеством своей роли в Речи Посполитой, наметившееся в конце 20-х гг. XVII в., приводит к тому, что старшины стремятся распространить на реестровых права шляхты. Это тем более интересно, что большинство из них и так являлись шляхтой, а, следовательно, имели право пользоваться демократическими свободами и политическими правами привилегированной части Речи Посполитой. Видимо, в этот период происходит перелом, когда для самосознания казацкой элиты звание «казак» становится как минимум не менее значимым, чем звание шляхтича.

На знаменитом портрете Петра Сагайдачного мы видим, что перед нами изображен шляхтич Петр Конашевич, со своим дворянским гербом. И лишь второстепенно – указаны прозвище (Сагайдак), булава и должность гетмана.

Уже через десять лет после смерти Сагайдачного, 9 июня 1632 г. казаки подают на конвокационный сейм письмо, в котором, ссылаясь на „службы свои рыцерские” (*szużby swe rycerskie*), предлагают в качестве кандидата в короли королевича Владислава и просят, чтобы их считали равными членами Речи Посполитой и «не обделяли в избрании короля» (*w obieraniu krola uposledzaby*). Есть там и примечательное пожелание: *чтобы мы были наделены вольностями, людям рыцарским надлежащими*

(*wolnościami rycerskim ludziom należącymi obdarzeni byli*)⁵. Подписали это письмо Лаврентий Пашковский, Герасим Копц, Дорош Кушкович, Теодор Пых⁶. По крайней мере двое из подписавшихся – принадлежали к шляхетскому сословию.

Следует отметить, что еще Н. Костомаров переводил польское слово *wolność* как «права», а не как „свободу”⁷. Именно такая трактовка „вольности” встречается и у Мелентия Смотрицкого: *представ с нашей просьбой на нынешнем сейме, мы покорно и униженно просим исходить из общих законов: жальтесь, не давайте ломать наших законных свобод и привилегий*⁸.

В письме от 4 сентября 1632 г. казаки упрекали сенаторов, что: *в избрании короля е.м. хотите нас отдалить (w obieraniu króla i. m-ci nas oddalać raczyście)*, но все равно выражали заверение, что *покорно готовы оказывать наши рыцарские услуги (powolnością naszą rycerską obsługiwać winni zostaiemy)*⁹. Инструкция казацким послам от 6 сентября 1632 г повторяла те же просьбы, ссылаясь на: *верные, отважные и кровавые заслуги наши (wierne, odważne y krwawe zasługi nasze)*¹⁰.

На рыцарственный характер службы казаков обращал внимание и Б. Хмельницкий. Он заявлял Я. Смяровскому в ноябре 1648 г.: *Как предки мои самоотверженно и с пролитием крови служили королям польским, так и я, не изменяя им, с подчиненным мне рыцарством, хочу верно служить его величеству королю, моему милостивому государю, и Речи Посполитой...*¹¹. Именно в том, что у него отняли его „привилегий” обвинял Хмельницкий С. Чаплинского, и считал „бесчестьем” свое четырехдневное пребывание в тюрьме¹².

Среди полковников и старшин Хмельницкого в годы восстания имелось значительное число шляхты. Блестящее исследование на эту тему было сделано еще В. Липинским¹³. Однако, они все больше значения предавали своему казацкому званию и все меньше – шляхетскому. С годами по мере утверждения Украинского гетманства эта тенденция только усиливалась. Так, среди присягнувшего в 1654 г. московскому

---

⁵ С. Голубев, *Киевский митрополит Петр Могила и его современники*, т. II, Київ 1883, Приложение № LXXIV, с. 403–407.

⁶ Там само, с. 405.

⁷ Н. Костомаров, *Богдан Хмельницкий*, т. II, Санкт-Петербург 1884, с. 170.

⁸ *Уния в документах*, сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева, Минск 1997, с. 178.

⁹ С. Голубев, *Киевский митрополит Петр Могила и его современники*, т. II, Київ 1883, Приложение № LXXIX, с. 451.

¹⁰ *Архив Югозападной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов* (далее – Архив ЮЗР), ч. III, т. I, Київ 1863, N XCIII, с. 339.

¹¹ А. Краусгар, *Посольство Яна Смяровского к Богдану Хмельницкому во время осады Замостья в 1648 г.*, „Киевская Старина”, 47(1894), № 12, с. 454.

¹² K. Szajnocha, *Dzieła*, т. IX: *Dwa lata dziejów naszych*, Warszawa 1878, s. 142.

¹³ W. Lipiński, *Stanisław Michał Krzyczewski, z dziejów walki szlachty ukraińskiej*, Kraków 1912, s. 145–513.

царю населения шляхта всего составляла 0,004%, в то время как доля старшины колебалась от 0,6 до 3%¹⁴. Между тем, согласно исследованиям Н.Н. Яковенко, накануне восстания Б. Хмельницкого шляхта на Волини и Центральной Украине составляла 2,3–2,5% от населения¹⁵. Так как мы знаем, что только среди полковников шляхта составляла почти половину, то становится ясно, что во время присяги старшина именовала себя «казаками», а не «шляхтой» (Выговские, Богун, Гуляницкие, Нечай, Мазепы и т.д.).

В последствие, такое же пренебрежительное отношение выскажут старшины и в отношении русского дворянства. Так, полковник Д. Ермолнеко в 1665 г. на обеде с русскими заявлял: *...мне де дворянство ненадобно, я де по стараму козак*¹⁶ (мы сейчас не говорим о второй половине XVIII века, когда ситуация кардинально изменится).

В годы восстания Б.Хмельницкого приходит осознание политической элитой Украины, что они могут и должны осуществлять свои вольности в смысле права управлять своей страной. Осознание это приходит прежде всего к самому гетману и его ближайшему окружению, а затем – все к более широкому кругу старшины, которая уже с 1649 г. втягивалась в административное и судебное управление Украинским гетманством. Для людей, которые на равных (или почти на равных) переписывались с иностранными государями, обменивались с ними иностранными посольствами было уже практически невозможно вернуться к прошлому ущербному положению. И если высшим влиянием и властью пользовался только очень узкий слой старшины, то совершенно другое дело – местное управление. Если учесть, что по реестру 1649 г. имелось шестнадцать полков, в среднем по 15 сотен, соответственно 240 сотников, а также писари, бунчужные, обозные, судьи и т.д. Набирается несколько тысяч старшины, которая за следующие несколько лет уже почувствовала вкус долгожданной «воли».

Именно с таким позиций следует подходить к пониманию сложностей присоединения Украины к России. Б.Н. Флоря в своей недавней блестящей монографии пишет:

*На Украине мы наблюдаем в эти годы возникновение ряда тяжелых, конфликтных ситуаций между русской верховной властью и Войском Запорожским, которые даже в конце концов привели к войне между ними. Возникновение разного рода противоречий и сложностей было неизбежно при контакте между двумя столь разными обществами с разной социальной структурой и разными историческими традициями*¹⁷.

¹⁴ Т. Яковлева (Таирова), Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок руїни, Київ 1998, с. 59.

¹⁵ Н.М. Яковенко, Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст.. (Волинь і Центральна Україна), Изд. 2, Київ 2008, с. 293.

¹⁶ Акты ЮЗР, т. VI, Санкт-Петербург 1868, № 41, с. 102.

¹⁷ Б.Н. Флоря, *Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.)*, Москва 2010.

Первое столкновение традиций произошло, как известно, уже в соборной церкви Переяславля, когда старшина требовала от Бутурлина присягнуть от имени царя. Это была обычная традиция, принятая в Речи Посполитой. Король всегда присягал (или присягали его комиссары), обещая исполнить договоренности. Но традиция эта была совершенно чужда для России.

Уже в ближайшие годы главным конфликтом традиций становится даже не внешнеполитический аспект и Белоруссия, но вопрос о воеводах, т.е. о том, кто осуществляет внутреннее управление.

Именно конфликты с воеводами станут одной из главных причин, почему казачья старшина начнет искать новых соглашений с Речью Посполитой. Следует отметить, что среди польской правящей элиты к концу 50-х годов XVII века наметилось понимание необходимости удовлетворить требования казаков. Например, 25 марта 1658 г. воевода познанский Ян Лещинский высказывал маршалку великому коронному Ю.Любомирскому свои размышления по поводу возможного соглашения с Украиной:

Фундаментом этого считаю предохранение казаков от мести с нашей стороны и их свобода в будущем, которой они достойны, т.к. рыцарский человек не может и не должен терпеть неволю. Почему бы казаков не высвободить из юрисдикции панов тех имений, где они проживают, а их жилища почему не могут быть защищены вольностями? Почему бы казаки, живущие под шляхтой, не могли бы иметь освобождения от повинностей и чтобы они принадлежали к гродскому суду, а не суду своих панов?.. Считаю, что это было бы возможной формой: поскольку они не добиваются шляхетства и не ценят его, пусть остаются свободными под титулом казаков, а если бы кто из них добивался шляхетства – не отказывать им... Казаки достойны нашего уважения за свою настойчивость в защите своей свободы, достойны того они, чтобы мы их приняли в свой слой (Fundamentum kładę securitatem kozaków a vindicta nostra et in futurum liberatem, co i merentur, bo rycerski człowiek nie może ani powinien servilia pati; czemużby kozacy nie mieli eximi a iudicio panów, gdzie rezydują, i ich siedliska rejestrowe wolnościami obwarowane czemu nie mają być?... Czemużby pares immunitates nie mieli mieć kozacy etiam pod szlachtą mieszkający, iżby do grodzkich sądów, nie do panów swoich należeli? Wszak i tatarowie na Litwie servilla non patiuntur dla służby tylko wojennej a my sami z przodków naszych dla rycerskich dzieł... Rozumiem, żeby to był modus practicabilis, bo oni szlachectwa non affectant ni intell gunt, sint tedy liberi pod tytułem kozackim, a jeżeliby kto z nich szlachectwa afektował non denegare... Merentur tedy kozacy za hanc constantem libertatis suae tuitionem od nas poszanowania, merentur in graemium nostrum recipi...)¹⁸.

---

¹⁸ L. Kubala, *Szkice historyczne*, t. VI: *Wojny duńskie i Pokój Oliwski 1657–1660*, Lwów 1922, приложение № XIX, с. 545–546.

Было и понимания факта, что казаки не потерпят возвращения польской администрации. 11 февраля 1658 те же воевода познанский Ян Лещинский и маршалок великий коронный Ю.Любомирский обсуждали вопрос об автономии Украинского гетманства:

Даже если бы казаки требовали отдельной провинции я бы не очень противился, лишь бы только они от нас зависели... Химеры и быйки это, что казаки думают, что они могут быть голландцами или швейцарцами, каждый из этих народов имеют другие выгоды расположения и защиту, а казаки живут в таком месте, что сами себя, без посторонней помощи защитить не могут (...choćby seorsivam provinciam napierali się kozacy, byle od nas dependeant, bie bardzobym rozradzal... Chimerae to są i bajki, co sobie kozacy imaginują być hollendrami albo szwajcarami, każdy z tych narodów insze ma commoditates locorum i rationes tuitionis)¹⁹.

Именно мотивы „вольности” в том смысле, о котором мы говорим (не об анархии) звучали в сентябре 1658 года в знаменитом универсале Войска Запорожского: *к иноземным государям*. В нем объяснялась необходимость отступления от „Московии” и перехода под покровительство Речи Посполитой. В этом универсале были такие примечательные слова:

Ни из-за каких-либо других мотивов мы приняли протекцию великого князя московского, но только для того, чтобы сохранить и приумножить для себя и нашего потомства свободу нашу, добытую с Божьей помощью оружием и много раз ценой крови возвращенную²⁰.

Но т.к. Москва *их обманула*, хотела Украину придавить и покорить, то они заключили Гадячский договор с Речью Посполитой.

Существование четкого разделения в представлениях казацкой старшины между „отчиной” (Малороссией или Украиной) и Московским государством нашло свое отражение и в идее „княжества Руського”. Идее, легшей в основу знаменитого Гадячского договора И.Выговского с Речью Посполитой 1658 года²¹.

В 70–80 годы XVII века сам термин «отчина» становится широко распространенным среди старшин, что можно объяснить как результат переосмыслений,

---

¹⁹ Там само, приложение № XVIII, с. 544.

²⁰ Архив ЮЗР, ч. III, т. VI, Київ 1875, № СХХVII, с. 363.

²¹ Т.Г. Таирова-Яковлева, *Новые архивные материалы и спорные вопросы гадячского соглашения*, [w:] *350-lecie unii Hadziackiej (1658–2008)*, red. T. Chynczewska-Hennel, P. Kroll, M. Nagielski, Warszawa 2008, s. 551–564; она же, *Гадяцька угода – текстологічний аналіз*, [w:] *Гадяцька унія 1658 року*, Київ 2008, с. 31–46.

происшедших в среде элиты в трагические годы Руины. Теперь этот термин используют не только „городовые” старшины, но и запорожцы, и те, и другие в схожем понимании, т.е. по отношению к Украине, а не к Кошу. Например, знаменитый кошевой атаман И. Сирко в письме от 26 ноября 1667 года говорил об *Ouczyznie naszej oplakanej* (оплаканной нашей отчизне). О *любезной отчизне Украине* писал лидер казацкого анти-русского восстания времен Мазепы Петрик²². Про „отчизну матку нашу” писал 24 ноября 1708 года в своем письме к И. Мазепе и кошевой атаман Запорожской Сечи, К. Гордиенко. При этом он выражал обеспокоенность планам Москвы, которая хочет забрать Украину себе во владение, поселить в городах своих людей, а украинским жителям чинит несносные и нестерпимые обиды и грабежи, желая загнать их на вечное тяжкое невольничье житье в Московское государство²³. То есть термин „отчизна” в представлении К. Гордиенко объединял такие понятия, как „украинские города” и „люди малороссийские”.

Понятие „отчизна” в этот период уже ни в коем случае не ассоциировалось с *Московским государством или тем более с Речью Посполитой*. То, что такое понимание имело место еще в „до-мазепинский” период ясно показывает появление статьи Каламакского договора, предписывавшей:

[...] народ Малороссийской всякими мерами и способами с великороссийским народом соединять и в нерозорванное и крепкое согласие приводить супружеством и иным поведением, чтоб были под одною Их Царского Пресветлого Величества Державою обще, яко единой христианской Веры, и чтоб никто голосов таких не испушал, что Малороссийской край гетманского regimentу, а отзывались бы везде единогласно Их Царского Пресветлого Величества Самодержной Держави²⁴.

Т.е. объявлялась борьба именно пониманию под «отчизной» Украины, а не России.

Концепция своей „отчизны” находит гораздо более широкое воплощение у И. Мазепы, особенно в поздний период его гетманства, когда реальностью стало воплощение в жизнь его титула „гетмана обеих сторон Днепра”. В своих универсалах

---

²² *Источники для истории запорожских казаков*, собр. Д. Эварницкий, Т. I. Владимир, 1903, с. 422.

²³ „оную во область и завладение себе взяти умышляет и одобравши в городах украинских своих людей осадити желает, а нашим людем малороссийским незносние и нестерпимие здирства и знищення починивши и зрабовавши в Московщину загнати на вечное тяжкое невольничье мордество тщится”, Российский государственный архив древних актов, Москва (далее – РГАДА), ф. 124. Малороссийские дела, оп. 1, 1708, № 91, л. 1.

²⁴ *Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским*, кн. 1, Москва 1858, с. 318.

начала XVIII века Мазепа постоянно подчеркивал, что заботится об отчизне нашей малороссийской²⁵. Ссылаясь на свою власть в „Малороссийской отчизне нашой и во всем Войску Запорожском”, И. Мазепа, как мы видели, уделял первостепенное внимание восстановлению гетманской администрации в Правобережье²⁶. Таким образом, И. Мазепа разделял понятие интересов Украины и России, не считая себя обязанным заботиться об общеимперских. Такое представление полностью вписывалось в общеевропейскую концепцию „государя” начала Нового времени и лежало в основе всей политики И. Мазепы.

Не менее интересны и выражения, которые мы встречаем в послании к Мазепе Черниговского епископа Л. Барановича, одного из главных идеологов Украинского гетманства. Он говорит: *о доверенной Господом Богом вам державе малороссийской* (заметим – *Богом, не царем или казаками, т.е. здесь явна параллель с „помазанными Божьими”*)²⁷. И эту мысль продолжает и сам Мазепа в письме к Г.И. Головкину в мае 1707 года он пишет, что едет к себе в резиденцию в Батурин: *для управления, врученным мне Богом*²⁸. Можно было засомневаться, что именно имел ввиду Мазепа. Однако эту цитату самым интереснейшим образом подтверждает анализ универсалов гетмана. В 1691 году в универсалах встречается следующая формулировка: *мы, гетман, маючи власть по милости Божьей и по монаршом их царского пресветлаго величества указу...*²⁹. Эта фраза в различных вариациях сохраняется вплоть до 1696 года³⁰. Но уже в сентябре 1701 года там читаем: *властию нам от Бога врученное гетманское*³¹ и смысл совершенно меняется.

К сожалению, сохранилось не так много украинских документов, которые позволяют судить о представлениях интеллектуальной и правящей элиты Украинского гетманства. Но отрывочные факты, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют о наличии очень определенных представлений и настроений.

Например, в 1704 году на торжественных собраниях в Киево-Могилянской академии в речах ректора и профессоров Мазепу именовали „великим князем русским” (*Duci Magno Rossiae*)³². Между тем, это было ведущее, самое влиятельное и престижное

²⁵ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – СПбИИ РАН), ф. 63, карт. 16, № 167.

²⁶ Там само, ф. 68, карт. 2, № 156, л. 1–2.

²⁷ *Доба гетьмана Івана Мазепи в документах*, упоряд. С.О. Павленко, Київ 2007, № 452, с. 471.

²⁸ РГАДА, ф. 124, Малороссийские дела, опись 4, № 73, л. 2.

²⁹ Российская Национальная Библиотека. Отдел рукописей, Санкт-Петербург (далее – РНБ ОР), ф. 293, Западно-русские акты, № 445, л. 1.

³⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербург, ф. 68, карт. 2, № 143, л. 1–1 об.

³¹ Там само, № 162, л. 1; РНБ ОР, ф. 1000, оп. 3, № 686, л. 1.

³² *Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве*, вып. 1, изд. Н.И. Петров, Москва 1891, с. 280.

высшее учебное заведение Украинского гетманств, формировавшее менталитет всей местной элиты.

Даже в своем знаменитом универсале к И. Скоропадскому от 30 октября 1708 года, уже перейдя к шведам и пытаясь объяснить свой поступок, И. Мазепа писал об „Отчизне нашей Малороссийской”³³. Тогда же он направил универсалы в города и старшине, заверяя: *что он не для приватной своей пользы, но для общего добра всей отчизны и Войска Запорожского принял протекцию короля шведского*³⁴.

Эти слова, если верить Ф. Орлику гетман говорил и в памятную ночь, когда он раскрыл перед генеральным писарем свои планы: *для общего блага матери моей отчизны бедной Украины, всего Войска Запорожского и народа Малороссийского...*³⁵.

Мотивация выступления, как защита «отчизны» от внешней угрозы звучит не только из уст Мазепы, но и в письме П. Апостола от 16 ноября 1708 года сотникам и обозному своего полка: *что с шведами они объединились для защищения отчизны нашей от наступления московского*³⁶. Более широкое объяснение принятия шведского протектората дал в последствии Ф. Орлик. По его словам в основе этого поступка было стремление: *оборонити права своєї Вітчизни*³⁷.

Таким образом, борьба за получение политических прав (вольностей), полагающихся казакам, как «рыцарскому» сословию, приводит элиту Украины к переосмыслению основополагающего понятия „отчизны”. Право управлять своей страной превращается в право Украины быть автономной.

S U M M A R Y

Cossack Freedom: from the “homeland in the Commonwealth” to a “Little Russian Homeland”

The process of the creation of a concept of „Cossack freedom” is connected with the transformation of the term „homeland”.

According to F. Sysin, the term “homeland” not seen in the context of the Commonwealth but connected with Ukraine begins to function just after the 1648–1657 Chmielnicki (Khmelnytski) Uprising. Although the Cossacks regarded the Commonwealth as their homeland at the turn of the sixteenth and seventeenth centuries, a conflict arose that led to several Cossack uprisings – for Orthodoxy and Cossack freedom. What did the concept “freedom” entail? It included the right to self-government, etc. It was precisely in

---

³³ *Источники малороссийской истории*, ч. 2, с. 173.

³⁴ Письмо Орлика Стефану Яворскому, [w:] *Субтельний О. Мазетинці. Український сепаратизм на початку XVII ст.*, Київ 1994, с. 181.

³⁵ Там само, с. 169–170.

³⁶ Національна наукова бібліотека ім. В.І. Вернадського. Інститут рукопису, ф. VIII, № 2677, л. 1–2.

³⁷ О. Пилип, *Конституція, маніфести та літературна спадщина*, Київ 2006, с. 122.

that quest for self-government which differentiated the Ukrainian Cossacks, namely registered ones, from those of the Don.

The awareness of a Cossack identity gradually increased since the times of the Turkish aggression. After the victory of Sahajdaczny at Khotyn, the Cossack elite realized their strength and importance. Some historians believe that the Cossacks were motivated to assert their independence by the quest for material benefits and the creation of a safe situation against the Polish *szlachta* (nobility). But already in 1572, registered Cossacks had received tax privileges for, among other things, honey, beer and vodka, and in 1682, were exempt from taxation and judicial persecution. The registered Cossacks were thus in an exceptionally good economic and social situation. But this was too little and incited participation in political life.

Understanding this motive was hampered by the myth of “brother-nations” introduced by Stalinism in the 1930s. According to the concept of Stalin, the Ukrainian Cossacks only fought only in order to “unite with their brothers in the Russian nation”. We must therefore examine carefully who was at the head of the Cossack uprisings, what their goals were, and look at their traditions and mentality, as well as how the Ukrainian hetmanship was established.

Many famous Cossacks including Khmelnitsky were born and grew up in the Commonwealth. Their ancestors had for centuries lived in the Duchy of Lithuania and served the Polish king.

Among Khmelnitsky’s supporters were many nobles. However, more and more paid attention to their definition as a Cossack rather than as a noble. For example in 1654 the *szlachta* comprised 0.0004% of the people who took an oath to the Moscow Tsar, and the ‘starszyna’ from 0.6 do 3%. During the oath-taking the latter named themselves Cossacks and not nobles.

During the 1648–1657 Uprising, the political elite realized that it could only achieve their freedom in the legal sense and govern in their own country. It is from this point of view that we should examine the problem of the joining of Ukraine to Russia. Conflicts in this area were caused by different historical traditions. The first difference in tradition became apparent when it was required that Buturlin took an oath in the name of the Tsar. This was a widespread tradition in the Polish Commonwealth, but alien to Russia. Another problem was the issue of provincial governors, that is who would exercise self-government.

Continuing the discussion on the notion of “homeland”, the author writes that the Cossacks made a distinction between their “homeland” (Russia Minor or Ukraine) from the Moscow State.

In the 1670s and 1680s, the concept of “homeland” was no longer synonymous with either the State of Moscow or the Commonwealth. For example, Mazepa wrote of “our Little Russian [*Matorosyjski*] homeland”. P. Apostle wrote about the need “to defend our homeland from Moscow”, Orlyk wrote “defend the law of our Homeland”. The struggle of the Ukrainian Cossack elite for political rights led to a change in the concept of “homeland”. The right to manage their own country became the right of Ukraine to autonomy.

